

Фань Сянь, конечно, не собирался рассказывать о своей догадке девушке, что шла рядом с ним, а всего лишь непроизвольно втянул ртом воздух, словно у него заболел зуб. Хайтан глянула на него, ничего не сказала и продолжила идти вперёд вдоль реки Юйцюаньхэ. Через какое-то время они пришли к небольшому садику с бамбуковыми воротами и изгородью, с колодцем во дворе, каменным столом под сенью листвы и пёстрыми жёлтыми цыплятами, которые, не издавая ни звука, были заняты тем, что искали зёрнышки на земле.

Конечно, именно здесь выращивала овощи и фрукты Хайтан.

Фань Сянь волей-неволей покачал головой и сказал:

— Какие же люди всё-таки разные. По правде сказать, вы, барышня, всегда были из тех, кто ратует за близость к природе, но разве можно такое утончённое место сравнивать с деревенскими вонючими дворами со свинарниками? Теперь понятно: чтобы сажать огород и выращивать цыплят, тоже нужно мастерство.

Его слова на первый взгляд звучали как похвала, но было в них и скрытое осуждение. Хайтан лишь улыбнулась и сказала:

— Думаешь, мне нравится торчать в столице? Но учитель повелел, дворец попросил. Хорошо, что поблизости удалось выпросить место под этот тихий садик.

Фань Сянь рассмеялся:

— Только боюсь, что, чтобы передать этот дворик тебе под огород, Шэнь Чжун раскулачил какого-то ни в чём не повинного богатого простолюдина.

Хайтан ответила:

— Об этом мне ничего не известно, и это за пределами того, что я могу контролировать.

Она говорила равнодушно, и Фань Сянь слышал простоту её слов, что ему нравилось в общении с Хайтан. Будучи очень значимой фигурой в Северной Ци, она вовсе не пыталась поддерживать образ небожительницы, не печалилась, не тревожилась, не старалась искусственно сохранять спокойствие, а просто вела себя согласно велению сердца, и это было прекрасно.

Перед именинами вдовствующей императрицы трудно было улучшить свободную минутку, и Фань Сянь временно забыл о тягостных чувствах, сопровождавших его последние дни, засучил рукава, закатал штанины и, вооружившись нужными инструментами, начал помогать Хайтан возделывать землю. Перекопав два фэня прекрасного желтозёма, он взял полную пиалу проса и, словно жаждущий богатства царь драконов, скупно, по крупнице начал просыпать зёрна на землю, дразня мелких цыплят, которые стали бегать за ним кругами по дворику.

Хайтан тем временем, сидя на корточках, пропалывала грядки и со смехом наблюдала за тем, как забавляется Фань Сянь. Её взгляд время от времени сам собой приклеивался к левой ноге.

В итоге Фань Сянь убежался и ужарился. Достав из колодца ведро воды, он сунул туда голову и, как лошадь, хлебнул несколько глотков воды прямо из ведра, при этом поглядывая намокшими глазами в сторону Хайтан. Увидев, что она мастерски справляется с грядками, он подумал, что она наверняка часто занималась подобным за все эти годы.

С тех пор как Фань Сянь уехал из Даньчжоу, он не притрагивался к земледелию, и мотыгу в руках он держал не так уверенно, как кинжал, да и поливка давалась ему не так ловко, как распыление ядовитого порошка. Его неуклюжесть привела к тому, что в итоге он докатился до позиции наблюдателя. Но всё равно он утомился так, что вся голова вспотела и макушка задымилась паром.

Солнце лениво ползло к зениту, и Хайтан подвинула два лежака так, чтобы они оказались под навесом из деревянных перекладин, оплетённых лозами, с которых свисали неизвестные плоды и очень крупные сочно-зелёные листья, полностью закрывающие лучи солнца.

Фань Сянь вдохнул горячий воздух, сел на лежак и без излишних церемоний принял принесённый Хайтан холодный чай, выпил пару глотков и плюхнулся на спину, заставив лежак скрипнуть под своим весом. Он прикрыл глаза, предавшись послеполуденному отдыху; здесь он ощущал себя расслабленно, как дома.

Хайтан глянула на него и улыбнулась, стащила цветастый платок с головы и вытерла им пот у висков, а потом тоже улеглась на свой лежак.

Два лежака под зелёным навесом, два праздных человека под прохладным ветерком.

Кто знает, сколько времени прошло, прежде чем Хайтан нарушила молчание:

— Ты на самом деле странный человек.

— Ты тоже странный человек. — Фань Сянь, не открывая глаз, продолжил: — По крайней мере, я до сих пор не смог раскусить тебя.

В этом разговоре они уже наконец ушли от всяческих любезных обращений, и Хайтан почувствовала себя свободнее. Слегка улыбнувшись, она ответила:

— Неужели обязательно нужно раскусить человека? Ну вот раскусил, и какой в этом смысл?

— Каждый человек, когда делает что-то, делает с какой-то целью. — Уголки губ Фань Сяня приподнялись. — И я понятия не имею, какая у тебя цель.

— Моя цель? — Хайтан стала обмахиваться цветастым платком. — Разве, чтобы жить, обязательно нужна цель?

Фань Сянь с закрытыми глазами вытянул руку и покачал пальцем:

— Чтобы жить, необязательно иметь цель, но всё, что мы делаем, все наши цели нужны для того, чтобы оставаться живыми.

Хайтан сказала:

— Я не очень привыкла к такому заумному стилю общения.

— Да это я просто от скуки болтаю всякую чепуху. — Фань Сянь потянулся. — Мне очень нравится с тобой болтать ни о чём, это чувство помогает мне удостовериться, что я настоящему живу, а не просто слепо подчиняюсь цели выжить.

Хайтан с лёгким презрением ответила:

— Опять заумная чепуха.

— Мне просто нравишься... нравится твой стиль делать дела. — После этих слов Фань Сянь сам не выдержал и рассмеялся: — Люди без друзей, такие как мы с тобой, всегда нуждаются в том, чтобы найти с кем поговорить по душам.

— Господин Фань — несравненный талант, чья слава гремит по всей Поднебесной. Как же так вышло, что у вас нет друзей? — По непонятной причине Хайтан снова вернулась к прежней манере учтивых любезностей.

После долгого молчания Фань Сянь наконец ответил:

— У меня и правда нет друзей, а вы девушка из Северной Ци, и я для вас из стана врага, но мне, напротив, кажется, что я могу обращаться с вами как с другом. Ведь, пока я здесь, в Северной Ци, вы точно не станете меня убивать.

Хайтан глянула на него, не поворачивая головы, вдруг поняв, что этот южный чиновник действительно красив до безобразия:

— Господин Фань родом из благородной семьи, после прибытия в столицу у вас всё шло гладко,

вы всегда честно вели дела, будущее было многообещающим, императоры наших стран высоко вас ценят, неужели при такой-то жизни вы чем-то недовольны?

— Мне скучно и одиноко. — Фань Сяню, похоже, ни капли не казалось, что эти два слова до тошноты противоречат его жизненной ситуации.

Хайтан усмехнулась:

— У господина Фаня в подчинённых такой способный человек, как Янь Бинъюнь, на юге в Контрольной палате лишь один чиновник обладает большей властью, чем вы, дома есть красавица-жена, умница-сестра, отец занимает высокий пост, все знакомые — талантливые личности, откуда же скука и одиночество?

— Отец — это отец, жена — это жена, Янь Бинъюнь — подчинённый, а все знакомые ищут от связей выгоды. — По непонятной причине Фань Сянь не чувствовал перед Хайтан никакого смущения. — Ты думаешь, что я лишь прикидываюсь одиноким и разыгрываю безнадёжность, я не возражаю. В любом случае мне не так-то легко быть чиновником, да и сыном... тоже быть не так-то весело.

Хайтан закатила глаза, и в них сверкнул отблеск дневного света:

— Неужто господин Фань хочет стать моим приятелем?

— Приятелем или нет, пока не будем об этом, — сказал Фань Сянь. — По крайней мере, когда я рядом с вами, я чувствую себя расслабленно. Уже одно это для меня редкая роскошь.

— А если я тоже хочу от вас чего-то добиться?

— Не добьётесь. — В ответе Фань Сяня ощущалась уверенность.

— Господин Фань, вероятно, забыл, что между нами тоже есть повод для вражды.

— Неважно. По крайней мере, если прямо сейчас кто-то попытается меня убить, то вы наверняка поможете мне. — Давно сокрытая в глубине души Фань Сяня наглость наконец в некоторой степени проявила себя.

— Господин Фань, мне всё время было немного любопытно, почему вы согласились поехать в Северную Ци. — Хайтан, посмеиваясь, посмотрела на него. На самом деле происходящее при дворе на юге не было для северной стороны какой-то тайной — конечно, они знали о таинственных связях Фань Сяня с императорской семьёй.

Фань Сянь улыбнулся:

— А вот и не скажу.

Хайтан возмущённо вздохнула, Фань Сянь же одним движением выбрался с лежака и потянулся:

— Хочу есть.

Хайтан ответила:

— В доме есть рис, в колодце — вода, а на огороде — овощи. Сам приготовь.

Фань Сянь вздохнул:

— Когда мужчина говорит, что он голоден, любой женщине, кроме жены, чаще всего это значит, что он хочет выпить.

Самым шикарным и тихим питейным заведением в северной столице был Дом столетней сосны*, сегодня сюда пришли важные люди. Уровень важности этих посетителей был таков, что владелец Дома столетней сосны лично вышел за ворота их приветствовать; он же учтиво попросил всех гостей заведения покинуть третий этаж, чтобы полностью его освободить.

Управляющие, конечно, подумали, что это очень странно, так как хозяин ничего им не объяснил. У хозяина был свой человек при дворе для наблюдения за высокопоставленными персонами, поэтому он с первого взгляда понял, что за статус у этих мужчины и женщины, пришедших сюда. Мужчина был южным богом поэзии, а женщина была сестрой по учению наставника государя. Вместе эти двое могли бы свободно расхаживать во дворце, что уж там говорить о каком-то питейном доме.

В отдельном кабинете с видом на улицу Фань Сянь вполглаза поглядывал на происходящее снаружи, одновременно прихлёбывая вино. Выпив три рюмки, он нахмурился и позвал хозяина, чтобы тот поменял вино.

Хозяин увидел его недовольное лицо, и мысль попросить у бога поэзии автограф сразу выветрилась; он пошёл и поменял вино на Цинмицзы из Северной Ци.

Фань Сянь выпил глоток и кивнул.

Хайтан немного угрюмо спросила:

— До этого было Улянъе, самое популярное крепкое вино во всей Поднебесной, господину Фаню не понравилось?

— Я правда люблю пить крепкое вино. — Фань Сянь повернулся и посмотрел на неё, на лице у него было странное выражение. — Но сейчас совсем не хочу пить Улянъе, потому что у него есть особый привкус, который не даёт мне расслабиться.

Улянъе несло в себе вкус Дома Цинъюй и вкус фамилии Е — вкус, имеющий отношение к Фань Сяню. Сегодня этот вкус ему не нравился.

Хайтан снова замолчала и принялась наблюдать, как Фань Сянь наливает и пьёт. Её глаза всё сильнее блестели, словно она радовалась чему-то очень интересному.

Постепенно опьянение дошло до того, что взгляд Фань Сяня слегка затуманился, а на лице засияла улыбка. Он сказал:

— Неужели вы думаете, будто я веду счастливую жизнь, а запиваю своё горе лишь притворно? Разве это не смешно?

— Молодость ещё не ведаёт печали... — тихо напевал Фань Сянь, постукивая палочками по миске. Это было первое стихотворение, которое он «скопировал» после своего перерождения, и сейчас, вспоминая те времена, он испытывал сложные чувства.

Он снова тихо запел:

— Когда сторицей воздаёшь, —

Живя на этом свете,

Он, милосердный, снизойдёт,

Спаситель-благодетель!

Мать счастлива, и счастье в том,

И в том её забота,

Чтоб тайно одарять добром —

Без всякого расчёта...

Но, люди, — убеждаю вас:

Так много страждущих сейчас!

Нам надо помогать им!

Не подражайте тем, скупым,

Всё меряющим на калым, —

дядьям моим и братьям!

Пусть истина добрей, чем ложь!

Но в мире поднебесном

Где потеряешь, где найдёшь —

Лишь небесам известно! **

Таково было суждение о Цяоцзе из «Сна в красном тереме»: воздаяние сторицей.

Глаза Хайтан засияли.

Фань Сянь тяжело вздохнул, поднял чарку и залпом осушил её, а затем сказал:

— Барышня Хайтан, не обращайтесь на меня внимания. По мне, так лучше напиток.

Зачем нужно напиваться? Мужчины хотят выпить по многим причинам, и самая частая — это подавленное настроение и стресс. В этой поездке в Северную Ци Фань Сянь узнал тайну Священного храма, заключил договор о дружбе между двумя странами и успешно перевербовал северную шпионскую сеть. Это выглядело блестяще, и непонятно, почему он был подавлен, непонятно, откуда взялся стресс.

На самом деле всё было очень просто: он грустил потому, что у него ни к чему не лежало сердце. В пещере Фань Сянь сказал Сяо Эню, что он лишь странник в этом мире, поэтому всегда воспринимает его так, словно осматривает достопримечательности. Хотя за восемнадцать лет он испытал всякие превратности судьбы, он всё ещё чувствовал себя немного отчуждённым от реальности. Если бы не Вань'эр, не сестра и не У Чжу, Фань Сянь бы только и мечтал, что с благоговением ринуться навстречу радостям этого мира.

Стресс возник из-за разговора в пещере. Чэнь Пинпин позволил Фань Сяню расширить кругозор, расширить его даже за пределы мира. После того как Фань Сянь узнал местонахождение Священного храма, он начал осознавать и принял это давление на себя одного. И эта тайна, касающаяся всей Поднебесной, что давила на Сяо Эня десятки лет, неизвестно сколько будет давить на Фань Сяня.

Если отправиться в храм, выживешь в одном случае из ста, и что в таком случае произойдет с людьми, которых он хочет защитить? Если не отправиться, он никогда не узнает, что тогда произошло. Фань Сянь был очень зол: прежде, когда он ничего не знал, ему не терпелось покопаться в голове Сяо Эня, но теперь, когда он узнал, ему хотелось бы никогда этого не знать.

В первую очередь ради безопасности ему следовало вернуться в столицу, несколько лет наслаждаться жизнью среди чиновничества и купцов и навсегда похоронить в своём сердце Священный храм, но как-то это его не радовало — и поэтому он ненавидел себя за то, что так скучал по Е Цинмэй... по матери этого физического тела, поэтому не хотел пить Улянью, и при виде стеклянной винной чарки в руке его даже подмывало разбить её об пол вдребезги.

Суждение о Цяоцзе в «Сне в красном тереме», казалось, действительно подходило ему самому.

Он удачно переродился, удачно встретил благодетеля, удачно, что его мать тайно накопила достаточно добрых дел, чтобы он мог легко и без усилий обрести огромное богатство и помощь большого количества талантливых людей.

Что ему следует делать в оставшиеся годы, чтобы отпраздновать это?

Ясные глаза Хайтан, казалось, могли видеть сердца людей насквозь. Она медленно произнесла:

— Так много страждущих сейчас! Нам надо помогать им!

От ужаса Фань Сянь чуть протрезвел. Хотя он знал, что, даже если напьётся в хлам, всё равно не сможет раскрыть свою тайну кому попало, но... зачем Хайтан это сказала?

На самом деле Хайтан сказала это просто случайно.

При виде развязного выражения лица Фань Сяня она вспомнила слухи о том, как на ночном пиру во дворце Южной Цин гений поэзии впервые проявил себя на людях и держался распушенно и нагло. Она считала, что Фань Сянь полагал свой жизненный путь уже предрешённым, шёл прямой дорогой неисчислимым богатств, которые, однако, привели к пресыщению жизнью и упадническим настроениям.

Такое часто встречается среди творческих людей, поэтому, когда Хайтан тихо произнесла эти слова, это было от чистого сердца: она хотела подвигнуть Фань Сяня на служение людям всего мира... Потому что Хайтан всегда верила, что в глубине души Фань Сянь — благородный человек!

— Всё в мире крутится вокруг выгоды, — сказал Фань Сянь насмешливо. — Барышня Хайтан

исповедует единство человека и Небес, держится ближе к природе и заботится о людях, но не понимает, что всё, что им нужно, так это прибыль. У меня нет притязаний расширять границы и занимать территории, я лишь хочу обеспечить простому народу более спокойную жизнь, но для этого сначала более спокойно должен жить я... Чтобы дать людям жить свободнее, в моих руках должна быть власть, но, если я захочу занять высокий пост при дворе, как я смогу жить свободно?

Хайтан расслышала в его словах убийственное намерение и с лёгким испугом сказала:

— Надеюсь, что господин Фань, держа в руках кормило власти, не забудет о нравственности.

— Банальность, банальность. — Фань Сянь громко постучал палочками по фарфоровой чашке, но она не разбилась.

— Люди мало отличаются от животных, — всё ещё хмурясь, сказала Хайтан. — Лишь тем, что придают значение нравственности, и всё. Господин Фань, хотя мы с вами из разных стран, но каждый человек, будь то житель государства Цин или Ци, — уникальное живое существо. Если вы всё же чтите мораль, то, я надеюсь, после возвращения домой сделаете всё возможное, чтобы предотвратить новую войну в Поднебесной.

Усмирить войны в Поднебесной — вот цель Хайтан, цель, о которой Фань Сянь постоянно догадывался! Это заслуживает огромной мемориальной арки***. Если бы это сказал кто другой, прозвучало бы отвратительно, но из уст Хайтан это показалось очень мирным, естественным и заслуживающим доверия.

Фань Сянь чуть насмешливо спросил:

— А Сяо Энь, значит, не живое существо?

Хайтан ответила:

— Убив одного Сяо Эня, спасти тысячи людей — почему бы и нет?

Если бы Сяо Энь сбежал из тюрьмы и объединил усилия с Шаншань Ху, как отец с сыном, императорская власть бы заметно укрепилась. А если бы он ещё и раскрыл тайну Священного храма, то с амбициями молодого императора Северной Ци, возможно, через десяток лет в Поднебесную снова пришла бы война. Поэтому в словах Хайтан был некоторый резон.

Против ожиданий, Фань Сянь вовсе не обладал сознательностью политика или моралиста, поэтому он холодно усмехнулся:

— Если из ста человек, что вот-вот умрут, можно спасти пятьдесят одного, убив сорок девять, сделаете ли вы это, барышня?

Хайтан долго молчала.

— Итак, мы с вами оба бесчувственные. — Фань Сянь вдруг расхотел обсуждать эти скучные вопросы и резковато сменил тему: — Люди мало отличаются от животных? Благородный человек отличается лишь тем, что умеет пользоваться окружением.***

Хайтан в изумлении подняла голову.

Фань Сянь продолжил:

— В боевых искусствах я не так хорош, как вы, барышня, но, если нам придётся сражаться не на жизнь, а на смерть, вам, пожалуй, не удастся запросто меня убить.

Хайтан кивнула.

Фань Сянь выпил вина и, глядя ей в глаза, тихо сказал:

— Почему? Потому что я хорошо владею любыми инструментами.

— Главное, что нужно совершенствоваться в боевых искусствах, — это свои моральные качества. В конце концов, вы не сможете долго полагаться на возможности внешних предметов, — спокойно ответила Хайтан.

Фань Сянь покачал головой и сказал:

— Те, кто ценит нравственность, необязательно смогут полностью проявить её, а те, кто ищет выгоды, необязательно безнравственны. Нравственность принесёт бóльшую выгоду. Если цель благородна, зачем беспокоиться о средствах?

Сказав это, Фань Сянь сам удивился. Их пустая болтовня при внезапной смене темы невольно затронула его душу. Это было похоже на луч небесного света, который вдруг поразил его в сердце, в один момент показав ему собственные истинные переживания. Бесчувственный? Возможно, очень чувствительный в глубине души.

Всю свою жизнь он говорил, что хочет взять от жизни всё, но никогда не знал, как ему следует это устроить. Сегодня... у него наконец появился план. В этот момент на сердце у него была ясность, однако в глазах плескался хмель. Он посмотрел на Хайтан и медленно произнёс одно слово:

— Спасибо.

Сегодня Хайтан оказалась в невыгодном положении в беседе, но совсем не разозлилась. Просто услышав «спасибо», она немного растерялась. Заметив решительность в пьяном взгляде Фань Сяня, она внезапно заволновалась, но после минутного раздумья её глаза мягко засверкали:

— С вашими талантами в будущем на юге развернётся отличное представление. Если вы не хотите сражаться, вы друг Хайтан. Надеюсь, что при всех своих возвышенных и благородных порывах вы будете осторожны и осмотрительны, внимательны к народу и не приобретёте ни капли самодовольства. Это и есть правильный путь.

Фань Сянь осторожно поставил чашку с вином на стол и тихо сказал:

— Не волнуйтесь, я лишь в начале своего пути.

Хайтан была лучшим мастером в Северной Ци, не считая Ку Хэ. Под защитой этой красавицы все сомнения в сердце Фань Сяня рассеялись, и он выпил вино с огромным удовольствием. Хотя он немного ребячливо и отказывался пить Улянъе, но, перебрав Цинмицзы, заполучил резко пересохшее горло, сдавленность в груди и туман в голове и восторженно и радостно свалился пьяным на стол.

Фань Сянь впервые был пьян до потери сознания с момента, как открыл сундук. Однако делать это в ресторане в столице вражеской страны, на глазах у барышни Хайтан, которая то ли враг, то ли друг, было действительно немного старомодно и неловко.

— Вы и правда загадочный человек. — Хайтан посмотрела на Фань Сяня, который лежал пьяный на столе и спал сладко, как ребёнок, и добавила с улыбкой: — Господин Сюэ Цинь, с которым я всегда хотела увидеться.

* Ещё можно перевести как «Сто лет развлечений»

** цитируется по переводу В. Панасюка, 1958 г.

*** Мемориальные арки строили в древнем Китае в память о добродетельных людях.

**** высказывание из «Побуждения к учению» Сюнь-цзы (ок. 313—215 до н. э.). Означает, что благородный человек по характеру и природным данным ничем не лучше простого человека, выделяется же лишь тем, что умело использует окружение, причём как в прямом, так и в

переносном смысле (условия, обстоятельства).

<http://tl.rulate.ru/book/96718/3984501>